

ЯПОНИЯ И ЯПОНЦЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Е. А. Попова, В. А. Казанцева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 3 сентября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматриваются русские фразеологизмы с этнонимом «японец» и его производными («японский городской», «японский бог», «япона мама (мать)» и др.): их происхождение, значение, особенности употребления. Представление о Японии как о загадочной стране нашло отражение и в данных жаргонных фраземах.

Ключевые слова: япония, японец, русское языковое сознание, этнонимический компонент, фразеологизмы, эвфемизмы, жаргонизмы, междоментный характер.

Abstract: the article deals with Russian phraseological units with the ethnonym “Japanese” and its derivatives (“Japanese policeman”, “Japanese god”, “Japanese Mummy (mother)”, etc.): their origin, meaning, peculiarities of use. The idea of Japan as a mysterious country is reflected in these slang phrases.

Keywords: Japan, Japanese, the Russian language consciousness, ethnonymous component, phraseological units, euphemisms, slang words, interjectional character.

Для русского языкового сознания все, что связано с Японией, являлось и до сих пор является экзотикой, и это объясняется историей взаимоотношений народов России и Японии. Сама Япония, как государство, соседнее России, долгое время отказывалась устанавливать какие-либо контакты с нашей страной. Дипломатические отношения с ней были установлены лишь в середине XIX века. Образ Японии изначально сформировался лишь у небольшой части населения России, к которой, прежде всего, относились путешественники и дипломаты, имеющие возможность увидеть эту страну. К их числу принадлежал писатель И. А. Гончаров, побывавший в Японии в начале 50-х гг. XIX в. на военном парусном корабле «Паллада». Кругосветное плавание военного парусника отражено в двухтомных очерках путешествия «Фрегат “Паллада”». Две части второго тома носят название «Русские в Японии». С самого начала произведения, рассказывая о Японии, Гончаров использует образ запертого ларца с потерянным ключом: «Вот достигается, наконец, цель десятимесячного плавания, трудов. Вот этот *запертый ларец, с потерянным ключом*, страна, в которую заглядывали, до сих пор с тщетными усилиями, склонить, и золотом, и оружием, и хитрой политикой, на знакомство. <...> *Странная, занимательная пока своею неизвестностью земля* <...>» [1, 8]. В другом месте писатель прибегает к образу глухо запертого здания, ключ от которого потерян: «Какая бы, кажется, могла быть надежда на торговлю, на введение *христианства, на просвещение, когда так глухо заперто здание и ключ потерян?*» [1, 166].

Как это ни парадоксально, но и по сей день для русских эта страна остается во многом непонятной и далекой, привлекая этим внимание писателей и художников.

В обыденном языковом сознании современных русских Япония предстает, с одной стороны, «как пример высокоразвитой, модернизированной страны», а с другой — «как экзотический образ, который включает в себя легенды о героизме и преданности самураев, таинственности гейш, цветении сакуры и др.» [2, 357]. Подобный образ Японии встречается и в современной литературе. Например, в рассказе Л. Е. Улицкой «Кимоно» восприятие Японии, японцев, японских продуктов питания сопровождается эпитетами *чудная, непонятная* (страна), *бесподобный* (безумец), *безумные* (слависты), *особенные* (женщины), *невиданные* (овощи), *странные* (фрукты): «*Чудная, чудная страна Япония, все в ней не так, все по-другому, и понять хочется, и понимаешь, что невозможно ни в чем разобраться* <...> *У японцев все непонятно, и глаз все время обманывается, как и вкус*» [3, 300—301].

В русском языке представление о Японии и японцах отражено в ряде фразеологизмов с этнонимическим компонентом *японский*. Русские фразеологизмы, в состав которых входят этнонимы, называющие чужие этносы (аллоэтнонимы), сформировались как результат видения и понимания носителями русского языка «чужих» этносов и их культур. Предметом нашей статьи являются фразеологизмы с этнонимическим компонентом *японец* и производными от него *японский(-ая)*, такие как *япона мама (мать)*, *японский бог*, *японский городской* и др.

В ходе работы с лингвистическими словарями мы обнаружили, что в нормативных словарях русского литературного языка фразеологизмы с этнонимическими компонентами *японский*, *японская* отсутствуют, подобные фразеологизмы (*япона мама* (*мать*), *японский бог*, *японский городской* и др.) представлены в словарях субстандартной лексики, главным образом, как выражения и восклицания междоментного характера, эвфемизмы. Например, в «Словаре эвфемизмов русского языка» Е. П. Сеничкиной зафиксирован фразеологизм *япона мама*: «**Япона мама** — вместо грубого ругательства. Эвфемизм возник на основе звукового сходства. Простор. ирон., в литературной речи — деэвф.» [4, 457]. В «Толковом словаре русского сленга» В. С. Елистратова есть фразеологизм *япона мать*, имеющий междоментный характер: «**Япона мать** — выражает любую эмоцию. Возможно из анекдота. Ср. *япобыть*». «**Япобыть**, межд. Выражает любую эмоцию. Аллюзия к нецензурному» [5, 494—495].

В художественных произведениях и разговорной речи восклицания подобного рода чаще произносятся в ироническом контексте: «*Всё, самурай, мы расстаемся. Катитесь к вашей японской матери*» (Б. Акунин. «Алмазная колесница»). Компонент *мать*, входящий в состав фразеологизма, позволяет сопоставить данное выражение с другими подобными устойчивыми сочетаниями: *мать честная, показать кому-либо кузькину мать, узнать кузькину мать, вашу мать, мать вашу за ногу*.

Толкование устойчивого выражения *японский бог* находим в «Большом словаре русских поговорок» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной: «**Японский бог!** Жарг. мол. 1. Выражение досады, раздражения, негодования. 2. Выражение восторга, восхищения» [6, 47]. «**Японский городской!** Жарг. мол. Бран. эвфем. Восклицание, выражающее досаду, раздражение, негодование» [6, 156]. В «Толковом словаре русского сленга» В. С. Елистратова этот фразеологизм представлен вариантно: «**Японский бог! (или городской!)**– употребляется как восклицание для выражения любой эмоции» [5, 495]. Это восклицание, как и *япона мама* (*мать*), является эвфемизмом.

Происхождение выражения *японский городской* связывают с пребыванием в Японии в 1891 г. наследника российского престола Николая Александровича, будущего императора Николая II. Когда Николай направлялся в город Оцу, один из полицейских неожиданно подскочил к коляске и ударил наследника саблей. Николай выскочил из коляски и побежал. Только тогда нападавшего скрутили. Японцы ужасно перепугались. Они опасались, что Россия в отместку за покушение на будущего императора сразу объявит им войну. Впрочем, рана оказалась несерьезной, хотя позднее Николай часто страдал головными болями. Никаких требований о компенсации Россия не выдвинула, хотя не исключено, что инцидент потом сказался на отношении царя к японцам. По-

лицейского, который напал на наследника, звали Цуда Сандзо. Выяснилось, что у него было не все в порядке с психикой, что не помешало дать обидчику русского наследника пожизненный приговор. Отсидеть его он не успел и подозрительно быстро умер за решеткой. А двум рикшам, которые спасали Николая, повезло: Россия назначила им пожизненную пенсию в размере тысячи иен, что равнялось годовой зарплате члена парламента. Конечно, этот незначительный казус давно забылся бы, если бы выражение *японский городской* не оказалось также удачным эвфемизмом. Когда человек протяжно произносит первый звук, кажется, что он сейчас матерно выругается [см. 7]. Отметим, что в языковом сознании наших современников слово *городовой* является одной из наиболее частотных реакций на слово-стимул *японский* [8, 746].

Примерное время возникновения большинства фразем с этнонимическим компонентом *японский* (–*ая*) определить точно невозможно. Но можно предположить, что многие из них появились в период русско-японской войны 1904—1905 гг., которая стала крайне важным событием в истории развития взаимоотношений двух стран и в формировании у нас образа восточного соседа России. В период русско-японской войны в тылу активно шел процесс синтеза идей, которые были направлены на четкое формирование образа врага, причем в первую очередь в «народной» аудитории, поскольку именно из нее по большей части шла мобилизация солдат. На наш взгляд, причиной появления данных эвфемизмов стало стечение двух факторов: такого исторического события, как русско-японская война с сопутствующим развитием негативных настроений по отношению к японской нации, и созвучие первых звуков представленных фразеологизмов, которые по случайности в русском языке созвучны начальным звукам ряда табуированных выражений.

Фразеологизмы *япона мама*, *японский бог*, *японский городской* сейчас активно употребляются в речи русского человека не только в качестве эвфемизмов, но и как символ Японии и всего японского. Связано это с возросшей популярностью японской культуры, а в особенности японской кухни, как по всему миру, так и в России. Почти в каждом крупном городе нашей страны мы можем встретить ресторан или что-то вроде кулинарии с доставкой еды на дом с такими названиями, как ресторан «Японский городской» в Москве, суши-бар «Японамама» в Твери, ресторан «Япона мама» в Усть-Илимске и т.д. Такой своеобразный прием имиджмейкеров и рестораторов, в котором используется сочетание давно известного выражения (фразеологизма) с господствующей экзотичностью современного образа Японии в сознании среднего носителя русского языка, дает свои результаты, и предприятия общественного питания с «благозвучными» названиями «Япона мама» или

даже «Япона папа» активно увеличивают свое число и занимают далеко не последние места по темпам развития в сети общественного питания в России.

Жаргонный характер имеют и другие фразеологизмы, содержащие в своем составе этноним *японец* и его производные. Например, в «Толковом словаре русского сленга» В. С. Елистратова зафиксированы, кроме уже названных, фразеологизмы *японский разведчик* (*шпион*), *чума японская*. Первый фразеологизм имеет варианты: «**Китайский (японский) разведчик (шпион)** — хитрый, загадочный человек; излишне бдительные отец или мать (в речи подростков)» [5, 174]. На возникновение этого фразеологизма повлияли политические процессы 30—40-х гг. XX в., когда людей осуждали по политическим статьям как иностранных шпионов, в том числе японских. Еще один фразеологизм, отраженный в этом словаре, *чума японская*, этот фразеологизм тоже имеет варианты компонентного состава: «**Чума** (или **чума японская, чума на лыжах** и т.п.). 1. Сумасшедший; слишком энергичный, непоседливый человек. 2. В знач. межд. и сказ. Выражает любую эмоцию. *Опять на работу, ~!* (не хочу). *Фильм — ~!* (очень хороший или очень плохой, в зависимости от ситуации). 3. Наркотик; реже — спиртное» [5, 470].

В «Большом словаре русских поговорок» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной имеется жаргонное выражение *На японце майку съем!*: «Жарг. мол. Клятва в истинности сказанного, в нерушимости данного слова» [6, 774]. На возникновение этого выражения оказал влияние экзотический смысловой оттенок, имеющийся для русского языкового сознания в этнониме *японец*.

В «Словаре тысячелетнего русского арго» М. А. Грачева зафиксированы жаргонные фразеологизмы *танго японское* («название карточной игры» [9, 894]), *грамота японская* («тайнопись преступников» [9, 213]). Включение слова *японская* с состав последнего фразеологизма можно объяснить непонятностью японского письма для русских.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

Попова Е. А., заведующий кафедрой русского языка и литературы,

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Казанцева В. А., директор «Русского образовательного центра при Генконсульстве РФ в Осаке» (Япония), соискатель кафедры русского языка и литературы

E-mail: veronikakazantseva@yandex.ru

Таким образом, круг лиц и предметов, называемых *японскими* в русской фразеологии, весьма обширен. Устойчивые выражения с этнонимическим компонентом *японец* и производными от него, являясь стилистически сниженными, активно употребляются в современной русской речи как жаргонизмы, в том числе жаргонные эвфемизмы. В этих фраземах, называющих реалии русской жизни, отражено, главным образом опосредованно, восприятие носителями русского языка Японии и ее жителей как чужого, далекого, экзотического мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров И. А. Собрание сочинений. В 8 томах. Т. 3. Фрегат «Паллада» (том 2). Путевые очерки / И. А. Гончаров. — М.: Худож. лит., 1978. — 526 с.

2. Серикова Н. А. Художественное переосмысление стереотипного образа Японии в романе Б. Акунина «Алмазная колесница» / Н. А. Серикова // Слово. Словарь. Словесность (к 225-летию основания Российской Академии): Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 12—14 ноября 2008 г. — СПб.: САГА, 2009.

3. Улицкая Л. Люди нашего царя / Л. Улицкая. — М.: Эксмо, 2007. — 464 с.

4. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 464 с.

5. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга / В. С. Елистратов. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. — 672 с.

6. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. — 784 с.

7. Фразеологический словарь русского языка; авт.-сост. А. А. Легостаев, С. В. Логинов. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. — 448 с.

8. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 784 с.

9. Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арго / М. А. Грачев. — М.: Рипол Классик, 2003. — 1120 с.

*Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University
Popova E. A., the Head of the Russian Language and Literature
Department*

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

*Kazantseva V. A., the Head of "Russian Educational Centre"
at the Russian Federation General Consulate in Osaka (Japan),
the Aspirant of the Russian Language and Literature Department*

E-mail: veronikakazantseva@yandex.ru